

Скрывать удивление было бессмысленно. Подумать только, и правда ведь судьба нас свела.

— Твоя машина?

Я бросил взгляд на Гранкабрио, доставивший мне столько хлопот, и тяжело вздохнул:

— Нет, это машина моего друга.

— Парня? — усмехнулась она.

Я почти инстинктивно возразил:

— Конечно, нет!

— О, значит, подруги.

— Почему это звучит так странно? — я тоже рассмеялся. — Это просто хороший друг.

— Хорошая подруга, я же ничего такого не сказала, — её глаза ярко блестели в ночной мгле. — Машина неплохая, но твоему темпераменту не очень подходит.

— Ха-ха, конечно не подходит. Моему темпераменту больше всего подходят велосипеды.

— Что ты такое говоришь, — она рассмеялась, — я имела в виду, что эта машина слишком вызывающая. А ты человек неброский.

Мы виделись всего второй раз, но моя симпатия к ней возросла.

— Кстати, почему ты решила, что я адвокат?

— Разве нет? Я видела твой бейдж, ты работаешь в адвокатской конторе.

— Значит, ты не дочитала два слова. Стажер. Оказывается, пропуск меня выдал.

— Ха, да какая разница, — она пожала плечами и улыбнулась.

На самом деле я терпеть не могу, когда китайцы копируют западные жесты вроде этого пожатия плечами. Это выглядит нелепо — чужая культурная среда, отсутствие общего национального юмора, просто слепое подражание. Но почему-то в её исполнении этот жест не казался наигранным, он был таким же естественным и легким, как и то, как она только что тряхнула головой.

— У тебя очень необычное имя, запомнилось с первого раза.

— Необычно странное?

Она снова засмеялась. Должно быть, очень жизнерадостный человек.

— Нет, необычно особенное.

Ночной ветер охлаждал кожу. Я никогда не умел общаться с малознакомыми людьми, поэтому сказал:

— Мне пора идти. — Я указал на часы.

— Окей, бывай, — она понимающе кивнула, вскочила на мотоцикл и надела шлем.

Я не успел даже снова поблагодарить её, как она уже завела мотор, махнула рукой и с ревом исчезла из виду.

Какая эксцентричная девушка, до зависти свободна в своих поступках.

Лишь вернувшись домой, я вспомнил, что забыл спросить её имя. В этом огромном и равнодушном городе встретить одного и того же человека трижды за несколько дней — это определенно можно списать на судьбу.

Пришлось утешить себя мыслью, что если нам суждено, мы обязательно встретимся снова.

Каждый вечер, как бы я ни устал, я заставляю себя делать одно и то же: открываю ноутбук, завариваю крепкий чай и тихо погружаюсь в воспоминания о событиях года или просто размышляю о том, что на душе.

Шестьсот девяносто пятая ночь.

Жизнь полна безумной любви, и эта печаль не имеет отношения ни к ветру, ни к луне.

Любовь, не получившая благословения, тоска, не имеющая исхода — даже зная это, я всё равно не могу забыть ничего, что связано с тобой. Знакомый аромат, болезненные прикосновения, вся горечь и сладость, рожденные тобой, холод и жар наших чувств. Помнишь ли ты еще?

Прошлое поблекло, сердце покрылось пылью, и чем больше я пытаюсь его очистить, тем всё становится туманнее. Обрести невозможно, а отпустить нет сил.

Мои мысли — как сорная трава, разросшаяся посреди лета, она давно задушила меня. Огни большого города за окном и бесконечные мирские заботы колют сердце до боли. Но мне некому выговориться, остается лишь изливать всё в эти черно-белые строки глубокой ночью.

За окном прорастает столько любви, неужели наши семена были забыты в щелях времени?

В этом уголке моего сердца, кроме тебя, никого нет и не будет. Почему же ты смогла уйти, позволив этому месту пустовать, покрываться пылью и забвением?

Когда я смогу снова взять тебя за руку и просто смотреть в глаза, наслаждаясь тишиной лет? А не как сейчас — то внезапный испуг, то острая тоска.

Весь день я был не в своей тарелке, глаз дергался, голова кружилась. Наверное, из-за дождя — в пасмурную погоду у меня всегда начинаются головные боли.

Едва дождавшись конца рабочего дня, Нин Чжиюань преградил мне путь у лифта:

— Вечером все идем в караоке, поехали с нами.

Я прямо отказал:

— Нет, я домой.

Я шагнул в лифт, он зашел следом, не унимаясь:

— Поехали, Цзимо, все будут, не хватает только тебя.

Остальные тоже начали уговаривать:

— Ну же, Цзимо, сегодня день рождения старшего брата, он очень хотел, чтобы ты пришел. Неужели не окажешь такой чести?

В висках внезапно запульсировало, от боли перед глазами всё поплыло.

— Что с тобой?

Нин Чжюань протянул руку, чтобы поддержать меня, но я отстранился:

— С днем рождения. Извините, мне нехорошо, веселитесь без меня.

Атмосфера мгновенно охладилась. К счастью, лифт доехал до первого этажа. Я глубоко вздохнул и вышел, тут же столкнувшись с адвокатом Ло:

— Цзимо! Ищу тебя. Вечером свободен? Поедешь со мной в Хуатин?

Я, отчаянно желая сбежать от приглашений Нин Чжюаня, тут же согласился:

— Свободен, поеду.

Адвокат Ло развернулся и зашагал прочь:

— Все документы у меня в машине, пошли.

Подняв глаза, я встретился с многозначительным взглядом Нин Чжюаня и почувствовал неловкое молчание остальных. Мне было лень разбираться, я пошел за Ло на парковку.

— Этот старый хрыч хитрый, как лис! Пока не увидит выгоду, пальцем не пошевелит! — ругался Ло, садясь в машину. Он взглянул на меня. — В маджонг играть умеешь?

— Немного. — В родном городе на праздники мы иногда играли, но я обычно только проигрывал.

— Главное, что правила знаешь, — Ло похлопал меня по плечу. — Будешь играть с нами. Ни о чем не думай, просто следи за этим стариком. Какую карту он попросит — ту и подкидывай. Не бойся проиграть, я всё оплачу.

Мне пришлось согласиться. Ло добавил:

— Увидишь его — будь повежливее, подлижись, чтобы он был в хорошем настроении. Только так дело будет в шляпе.

Видя мое молчание, он, вероятно, понял, что перегнул палку, и поспешил добавить:

— Как только выиграем это дело, я обязательно возьму тебя в ученики. Будешь ходить со мной по судам, я в обиде не оставлю.

— Спасибо, адвокат Ло.

— Кажется, судья Цао к тебе равнодушен. Получится ли дело — зависит от тебя. Не подведи меня. — В голосе Ло сквозило что-то странное, хотя на лице играла улыбка.

Разговор становился всё более скользким. Мне было неприятно, но спорить в такой момент не хотелось. У него свои методы, а мне нужно, чтобы он ввел меня в профессию, зачем вмешиваться? В конце концов, это всего лишь игра в маджонг. Раньше, работая в продажах, мне приходилось и по барам ходить, и развлекать клиентов.

Главное — не переступить черту.

Вскоре машина подъехала к Хуатину. Судья Цао уже был там и играл в боулинг с высокой, эффектной женщиной. Адвокат Ло подошел к ним, перекинулся парой фраз, и вскоре был накрыт стол для игры. Принесли вино и сигареты, рядом с судьей Цао уселись две девушки — одна прикуривала ему, другая подносила бокал. Зрелище было омерзительным, смотреть на это не хотелось. Я помнил наказ Ло: судья Цао хотел мань — я не смел выкладывать тьяо, даже если у меня была нужная карта, я сбрасывал её, чтобы подыграть ему. Меньше чем через два часа перед судьей Цао выросла гора денег, не меньше пятидесяти-шестидесяти тысяч. Мне было не жалко денег, но лицо Ло становилось всё бледнее, и наконец, сославшись на туалет, он вышел.

Едва Ло ушел, судья Цао тоже поднялся и покинул стол, оставив меня в растерянности. Я уже начал нервничать, как вдруг вернулся Ло. Лицо у него было перекошено, он даже не взглянул на меня, подошел, бросил на стол пачку денег и сказал:

— Цзимо, мне нехорошо, надо отдохнуть. Продолжай играть с судьей Цао, а потом спускайся вниз, в номер, найдешь меня там.

<http://bllate.org/book/20770/2084022>